

16 (29) июля

Блаженная исповедница
Матрона Анемнясевская

Славная исповедница Христова блаженная Матрона Анемнясевская, или, как ее называли современники, Матренушка, Матреша, родилась 6 ноября 1864 года в деревне Анемнясево Касимовского уезда Рязанской губернии, насчитывавшей к началу XX столетия триста дворов; жители деревни занимались хлебопашеством и отхожими промыслами, в основном на лесоразработках и лесопильных заводах. Ближайший к деревне храм великомученицы Параскевы, к которому она была приписана, находился в четырех километрах в селе Шеянки¹. Родители блаженной, Григорий и Евдокия Беляковы, кое-как сводили концы с концами, чему виной было пристрастие Григория к вину, отчего хозяйство он вел нерадиво. У Григория и Евдокии родилось шесть дочерей и два сына. Три дочери умерли, не достигнув зрелого возраста, Матрона была в семье четвертой.

Блаженная исповедница Матрона Анемнясевская

До шести лет девочка вела обычную жизнь деревенского ребенка. «Любила ловить бабочек, – вспоминала она, – посажу их, бывало, на окошко и не пускаю.

Тем только и грешна была», – добавляла она. Нерадостным было детство Матроны, ей пришлось больше остальных сестер и братьев терпеть от родителей обид, ругани, а иногда и побои. Они невзлюбили ее, когда ей было еще совсем мало лет, постоянно обходя ее своим вниманием и заботой. Придут они, бывало, с базара и при всей своей бедности какими-никакими, а подарками всех детей оделят, только Матрону обойдут, и она молча отойдет в сторонку.

В 1870 году, когда Матроне исполнилось шесть лет, она заболела оспой, болезнь протекала тяжело, все тело ее надолго покрылось нарывами. Спала она тогда на лежанке за печкой, где редко кто убирал, и там накапливалось много сору. Мать ее вымыла, тело Матроны распухло, и она ослепла. Евдокия не стала лечить дочь, не стала и молиться Богу о ее здравии. Девочка болела долго, а выздоровев, навсегда осталась слепой.

После выздоровления на Матрону были возложены обязанности няньки младших сестер и братьев, и она стала маленьким слепым поводырем для зрячих несмышленных детей. Трудной и даже мучительной была для нее эта обязанность, которую она исполняла около двух лет. Особенно тяжело ей было нянчить полторагодовалую сестру; бывало, Матрона не могла ее удержать и роняла, за что мать жестоко ее наказывала.

Когда Матроне было восемь лет, мать однажды ушла на речку полоскать белье, а девочка, по обыкновению, занималась с сестрой, но трудно было ей уследить за малышкой, та упала с крыльца и, перепугавшись, заплакала. Евдокия, вернувшись, жестоко наказала Матрону за недосмотр: била так, что могла, казалось, забить ее насмерть. В это время слепой девочке явилась Пресвятая Богородица. Матрона сказала о явлении матери; та выслушала, но не поверила и с еще большей жесточенностью принялась ее избивать. Девочке вновь явилась Пресвятая Богородица, и снова она сказала об этом матери, но та ее уже не слушала, продолжая бить. Явившись в третий раз, Мать Божия подала Матроне записку, в которой было написано много утешительного для нее, но что именно, об этом Матрона никогда никому не рассказывала.

После побоев с трудом взобралась Матрона на свое место на лежанку за печкой и пролежала там до утра. Утром ее позвали есть, но она уже не могла встать – руки и ноги и все тело ее были покалечены. С этого времени она уже не могла ни ходить, ни сидеть, а только лежать. Если до сего момента жизнь для слепой девочки была весьма нелегкой, то с этого времени начались для нее страдания еще большие. Первое время родные не верили, что она не может ходить, а считали, что она притворяется, и всячески ее попрекали болезнью.

С этими горькими, почти ежедневными попреками начался для Матроны новый этап жизни. Родные в это время даже не пытались оказать ей какую-либо врачебную помощь, все тело у нее продолжало болеть и особенно руки: левая рука была сломана и впоследствии срослась неправильно, а искалеченная правая со временем высохла; она стала плохо владеть руками и лет до сорока сама уже ничего не могла ими взять. Жила же она в это время так: попросит она дать ей хлеб – дадут, попросит еще – уже не дадут. Когда надоедало каждый день есть только хлеб, она просила мать испечь ей сдобную лепешку, и та хотя и исполняла ее просьбу, но все время, пока пекла, ругала ее привередницей и еще худшими словами, так что девочка уже со слезами ела лепешку, приготовление которой сопровождалось не молитвой, а поношением.

Много слез пролила в это время Матрона, и то было ей особенно прискорбно, что источником ее страданий являлась ее же родительница. Один

только Господь, не забывающий всех скорбящих, утешал ее в эту пору. Однажды в субботу на Фоминой неделе она увидела в сонном видении, как Спаситель сошел с Креста и вместе с Матерью Своей подошел к ней. У Спасителя на руках и ногах были от гвоздей раны, и из них текла кровь. Матрона приложилась к Его руке и, когда проснулась и отерла губы, то почувствовала, что на губах была кровь. И все ее тяжкие страдания померкли тогда перед страданиями и ранами Спасителя. Впоследствии при рассказе о страданиях Спасителя слезы сами собой лились из глаз Матроны.

Много лет она пролежала в родительском доме, терпеливо все перенося. Жители Анемнясева, зная о ее нелегкой жизни, относились к ней с глубоким сочувствием и со временем стали видеть в ней великую угодницу Божию и навещать ее с просьбами помолиться.

Первым пришел к ней пильщик из той же деревни. «Матушка, – сказал он, – вот ты уже лежишь столько лет, ты, небось, Богу-то стала угодна. У меня спина болит, и я пилить не могу; потрогай-ка мне спину-то, может быть и пройдет от тебя; ничего мне не остается делать, так как лечился-то я, лечился, а доктора не помогают». Матрона, помолившись, прикоснулась к спине пришедшего, и боли милостью Божией и по вере просившего прекратились, и он стал работать как прежде.

Со временем все шире расходилась молва о ней, множество людей стали приходить к ней со своими скорбями, нуждами и болезнями. Эти посещения принимали по временам характер настоящих паломничеств, приходили уже жители не только окрестных мест, но и дальних. В конце концов эти посещения превратились в непрерывный поток, который продолжался в течение пятидесяти лет, когда люди стали приходить к ней ежедневно, иногда по несколько десятков человек в день, а иногда и до сотни. Великим постом в 1930 году в один день ее посетило сразу семьдесят человек. Матрона в это время сурово постилась, была сильно утомлена и уже не в состоянии была беседовать с приходящими. Но, не желая оставить пришедших неутешенными, она поручила поговорить с ними близкой ей женщине, и по молитвам подвижницы никто в тот день не ушел неутешенным.

Посетители приносили Матроне в знак благодарности различные пожертвования, но пока она жила у родителей, она не могла ими пользоваться, так как отец отбирал все приношения, выменивая их затем на табак и водку. Тяжело было переживать это Матроне, потому что, страдая сама, она желала бы помочь нуждающимся, а здесь к ее скорби добавлялась новая скорбь – не на доброе дело шли эти жертвования.

После смерти родителей хозяином дома стал брат Матроны Сергей, но и при нем блаженной жилось не лучше, и в конце концов Матрона стала жить вместе с незамужней сестрой Дарьей в небольшом домике, выстроенном для нее почитателями. Однако и с сестрой ей было жить нелегко, так как та смотрела на нее исключительно как на средство наживы, отбирая все, что ей приносили, и почти не заботясь о ней.

Подвижница лежала круглые сутки в небольшой комнатке в детской кровати, задернутой пологом. Летом, когда в избе становилось душно, ее выносили в прохладные сени, и там она находилась до наступления зимы; несмотря на наступавшие холода, она никогда не просила, чтобы ее перенесли в избу, все терпеливо перенося. Родные, за исключением сердобольного и любившего ее племянника, не обращали на ее положение никакого внимания и

переносили ее в избу лишь тогда, когда уже посторонние начинали им замечать, что далее в сенях лежать невозможно, что и скотину Господь заповедал жалеть, а они к беспомощному человеку безжалостны. Как-то в октябре, когда Матрона лежала в сенях, пошел ливень, который пробился сквозь кровлю и пролился на нее ледяными ручьями; она промокла до нитки, а к утру ударил морозец, отчего одежда на ней обледенела и стала как панцирь. Только тогда сестра сжалилась над ней и перенесла в избу, за что Матрона искренне была ей благодарна. Посещавшие ее в эти осенние холода люди безмерно удивлялись ее терпению и смирению и спрашивали, не холодно ли ей. Но она всегда отвечала на это, что нет, не холодно, и протягивала руку, чтобы спрашивающий сам смог убедиться, что рука у нее теплая.

Ростом блаженная была, как восьмилетний ребенок. Она могла без посторонней помощи переворачиваться с боку на бок, шевелить руками, брать в руки небольшие предметы. Говорила она легко и свободно, всегда близко к тексту цитировала Священное Писание, пересказывала очень точно жития святых, любила петь церковные песнопения и канты. Весь Божий мир сосредоточен был для нее в стенах кельи, но и ту она никогда не видела, она не могла ходить в храм, слышать, видеть и утешаться тем, чем могли утешаться другие, не могла она и общаться с теми, с кем, может быть, хотела, а только с теми, кто сам к ней приходил, да и тех она только слышала и если могла видеть, то разве что духовным зрением. Весь внешний, доступный для нее физический мир был очень ограниченным и, казалось бы, бедным, но богатство ее внутреннего мира обогащало и утешало множество людей.

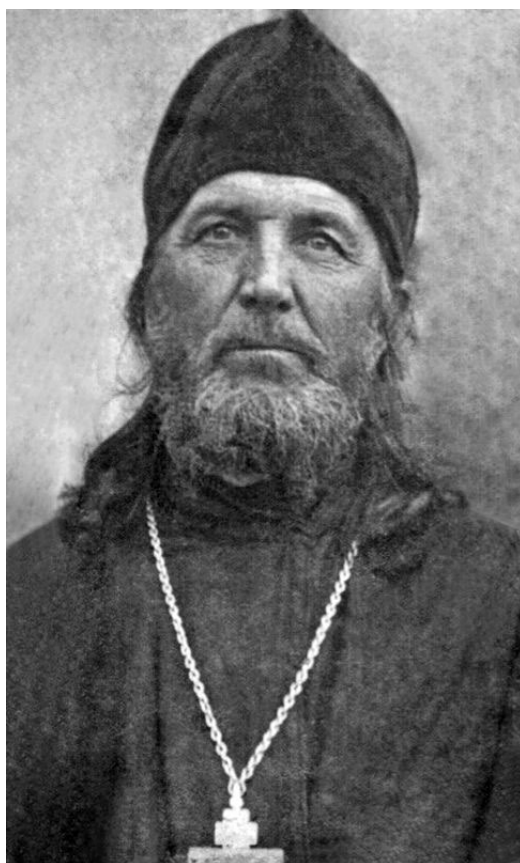
«Беспрерывная цепь испытаний, страданий и горя, переживаемых Матрешей с необыкновенным терпением с самого раннего детства, – писал ее жизнеописатель в 1933 году, – была для нее той школой, тем великим непрерывным подвигом, в горниле которого очистилась ее душа, мысль и сердце отрешились от всего земного, утвердилось и окрепло постоянное стремление в мир другой, высший, который постоянно предносился ее духовному зрению. С нашей житейской точки зрения естественнее было бы предположить, что эти беспрерывные страдания, эти тяжкие незаслуженные обиды должны были бы повергнуть ее в пучину отчаяния и тоски, сделать ее злой ворчуньей, озлобленной на всех и всё, как это при подобных обстоятельствах часто наблюдается в нашей жизни; но в данном случае мы видим совершенно обратное – мы видим, что душа ее преисполнилась живой верой и надеждой на Бога, сердце зажглось деятельной любовью ко всем и каждому, отозвалось полным состраданием и сочувствием на всякое несчастье, горе, беду, на всякую немощь человеческую.

Мы не знаем, каких трудов, каких усилий стоило Матреше подняться на ту высоту духовно-нравственного состояния, которого она достигла в своей жизни; мы не можем сомневаться только в одном – что эти труды, этот подвиг был действительно великим подвигом, совершить который эта слепая, безнадежно пригвожденная к одру, неграмотная, совершенно беспомощная и одинокая, брошенная в глухой деревне девочка могла только при помощи Божией. И Бог дал ей силу достигнуть не только личного высокого религиозно-нравственного совершенства, но и сделаться центром и источником религиозно-нравственной жизни для многих и многих верующих».

С некоторых пор Матрону стали посещать деревенские девушки, и составилась небольшой хор; они пели с ней церковные песнопения и религиозные канты. Иногда приходил какой-нибудь грамотный человек и, будучи сам

любителем молитвенного и духовного чтения, читал по просьбе Матроны акафист или молитвы, или Священное Писание. Все это она запоминала, так что впоследствии могла цитировать наизусть многие тексты из Священного Писания. Причем если она пела церковные песнопения, то всегда правильно выдерживала церковный напев. Однажды она попросила посетившую ее монахиню спеть ей церковное песнопение, но та стала отказываться, говоря, что совершенно не умеет петь. Это очень удивило и огорчило Матрону. «Не умеешь петь? – переспросила она недоверчиво. – Да ты в церкви каждый день бываешь! Да ты хуже деревенской бабы! Вон у нас Авдотья-то, она и то умеет петь, в церкви выучилась, а ты не умеешь?!»

Причащалась Матрона Святых Христовых Таин не менее одного раза в полтора месяца, для чего приглашала приходского священника. С 1932 года это был только что рукоположенный ко храму великомученицы Параскевы в селе Шеянки священник Александр Орлов^а, ставший и духовником, и духовным сыном праведницы. День, когда он приходил к ней со Святыми Дарами, был для нее всегда радостным, воистину пасхальным днем. Иногда священник приходил к ней послужить молебен, что было для нее также великой отрадой.

*Священник Александр Орлов.
1933 год*

Очень строго относилась блаженная Матрона к соблюдению постов. С семнадцати лет она отказалась от вкушения мясного и постилась, кроме среды и пятницы, в понедельник. Во время постов она почти ничего не ела. Одна из посетительниц, пришедшая к ней однажды на Пасху, заметила, что Матрона

^а Священноисповедник Александр Орлов; память 14/27 апреля.

бледна и чувствует себя очень слабой. Оказалось, что в течение всего Великого поста она ничего не ела, пила только воду, прокипяченную с ладаном; во время поста она дважды соборовалась.

Она очень скорбела, что несоблюдение постов становилось все более повсеместным и привычным явлением современной ей жизни и людьми даже не почиталось за грех. «Беззаконники сознают, что совершают беззаконие, – говорила она, – а кто постов не соблюдает, тот даже не сознает, что он грешит». К таким Матрона относилась с большой настороженностью.

Деревня Анемнясево. 1933 год

К ней обращались за молитвенной помощью, за утешением, за облегчением в скорбях душевных и телесных. Но часто приходящие, что-то прося для себя, сами отступали от истины. Просили о помощи и даже о чуде, а сами попускали себе греховные поблажки. Прими такого с любовью и не обличи, так он и не вспомнит свой грех; поэтому таких, чтобы обратить их внимание на совершаемые ими проступки, Матрона принимала иной раз с нарочитой суровостью.

«Пришла я к Матреше утром, сижу у нее, никого еще нет, – рассказывала одна из ее посетительниц. – Смотрю в окно, идет старушка, я и говорю:

– Старушка идет.

– Ну что ж, пусти, – отвечает Матреша.

Отпираю дверь, входит старушка и говорит:

– Здравствуй, Матреша.

– Здравствуй. Ну, что ты пришла?

– У меня ужасно как голова болит.

– Да пусть она у тебя еще больше болит!

– Да что ты, матушка. Я ведь к тебе ходила, и ты меня принимала.

– Ну что ж, что я тебя принимала, а голова-то у тебя пусть болит, да чтобы отвалилась, вот чтобы как болела! Иди, иди от меня, иди.

– Да ты бы хоть водички-то святой дала.

– Нет тебе ничего! Иди и уходи, и уходи, и уходи!

Старушка вынуждена была направиться к двери. Провожая ее, я спросила:

– Скажи, бабушка, чем ты согрешила, что Матреша так проводила тебя?

– Ой, матушка, ведь я пост соблюдать перестала, – сказала старушка и

горько заплакала».

Одна женщина часто приходила жаловаться Матроне, что в настоящее время очень трудно соблюдать посты, так как постное масло стало дорого стоить. Матрона долго молчала, терпела и, наконец, сказала ей на все ее жалобы: «Масло удешевить можно: первую, четвертую, Страстную недели не ешь с маслом, не ешь в среды и пятки, вот оно, масло-то, и дешевле обойдется».

Не удовлетворяясь постами, блаженная Матрона старалась томить свою плоть и иначе. Одна из близких к ней посетительниц рассказывала, что она иногда мочила голову холодной водой, открывала плечи и шею и так лежала, пока вся не посинеет от холода. «Другие же страдают, – говорила она, – зябнут и мерзнут на холоде, и мне тоже нужно померзнуть».

На кровати у нее лежал мешок с камнями весом около пуда. Камни эти были принесены ее почитателями из разных святых мест. Блаженная с молитвой перекладывала и перебирала их. «Надо ведь трудиться», – говорила она.

С большим благоговением она относилась к святым местам и в особенности к Святой Земле, Дивеевскому и Саровскому монастырям. Она всегда говорила о них с особенным умилением и любовью. Своим благочестивым посетителям она часто советовала посетить Дивеево и Саров как места особенного присутствия благодати Божией. Одна из посетительниц принесла Матроне камень из канавки Дивеевского монастыря, и та с благоговением и молитвой взяла его, положила на грудь и сказала, что испытывает огромную радость. Конечно, эта радость была не от камня, а от незримого присутствия Матери Божией, которое она ощущала, обращаясь к Ней с теплой молитвой. В другой раз эта же женщина, получив некоторые святыни от Гроба Господня, отправилась передать их Матроне. Когда она пришла, блаженная сразу же к ней обратилась, сказав:

– Уж я так тебя ждала, что все мои посетители удивлялись, что я так тебя жду!

– Матреша, да ведь я тебе иерусалимские святыни принесла.

– Вот я их-то и ждала-то...

И она с глубоким благоговением приняла в руки принесенные ей святыни и казалось, что вместе с ними и сама перенеслась духом в Иерусалим ко Гробу Господню.

Из всех церковных праздников Матрона больше всего любила и чтит Пасху. Она всегда встречала ее с необыкновенной радостью и ликованием и в таком настроении пребывала все послепасхальные дни. «Всю Пасху до Вознесения, – говорила она, – нужно быть радостным и веселым, и всех угодников не столько почитать, сколько „Христос воскрес“ петь, до самого Вознесения все Пасха и Пасха».

От отроческих лет находясь безвыездно и безвыходно в своей деревне и доме, Матрона знала многих современных ей подвижников и благочестивых людей, хотя никогда лично с ними не встречалась.

Очень почитала Матрона блаженную Марию Ивановну Дивеевскую, точно так же и Мария Ивановна любила и чтит ее. Между ними установилось как бы особенно тесное внутреннее общение и глубокая внутренняя связь, хотя их и разделяло значительное расстояние и каждая не покидала своего места жительства. «Матреша всегда с радостью благословляла меня на путешествия в Саров и Дивеево, – рассказывала одна из ее посетительниц, – и при этом всегда заказывала побывать у Марии Ивановны Дивеевской, и я неоднократно во время путешествий у нее бывала. Однажды, когда я сказала Марии Ивановне о

Матреше, она, как бы задумавшись, ответила мне: „Ведь мы с ней каждый день вместе трапезуем“».

Верстах в пятидесяти от Касимова, недалеко от города Меленки, жил юродивый, которого звали Абрамушка. Родом он был из села Лощинина, находившегося в трех верстах от Касимова. На родине ему пришлось перенести от односельчан много обид и огорчений, но в том месте, где он затем поселился, он пользовался большим уважением и его почитали человеком святой жизни и прозорливцем. Блаженная Матрона отзывалась о нем как о человеке выдающемся. «Он хороший, хороший», – говорила она о нем своим посетителям. Однажды одна из посетительниц Матроны увидела Абрамушку сидящим на церковной паперти. Она поклонилась ему в ноги и спросила: «Абрамушка, знаешь ли ты Матрешу?» Услыхав ее имя, он в ту же минуту поспешно встал, снял шапку, обернулся в ту сторону, где жила праведница, и три раза поклонился.

Блаженная вообще очень любила и уважала так называемых «глупеньких» и «дурачков», вообще людей страждущих и не имеющих где преклонить голову. «Я им больше верю, – говорила она о таких людях, – они больше знают этих начитанных-то. Ничего, что они дуры, дуры-то лучше. Вот был такой дурачок, глупенький – Карамышевский Саша, а он один знал, что мне житье плохое. Да как знал-то! А вот раз пришел, сел у меня на крылечке, а сам плачет-разливается. „Ты о чем, Саша, так плачешь?“ – спрашивают его, а он им и говорит: „А у Матрешки прислуга-то очень плохая“. Он один знал это и так-то пожалел меня».

Множество людей посещало блаженную Матрону, а те, кто не имел возможности сам к ней прийти, посылали ей письма с просьбой помолиться за них или за их близких или передавали такие просьбы через своих знакомых. Эти просьбы никогда не оставались неуслышанными. Всякий, кто побывал у Матроны, отзывался о ней с чувством глубокого благоговения и преклонения; все в один голос говорили, что это воистину человек Божий, святая, получившая от Бога особенную благодать, наделенная дарами учительства, прозорливости и исцеления недугов духовных и телесных. Блаженная Матрона внутренним духовным оком видела каждого из своих посетителей и каждому давала то, что ему было нужно, полезно и необходимо, в зависимости от его духовного настроения.

Одних она терпеливо учила и наставляла, других обличала, раскрывая им их грехи и пороки, третьих ободряла и утешала, четвертых предупреждала, указывая на могущие быть душевредные последствия из-за выбранного ими ошибочного пути, пятых исцеляла от болезней, всех стараясь направить на путь богоугодной, христианской жизни.

Были люди, которых она принимала чрезвычайно ласково, с радостью и участием, как дорогих и близких ей. «А я ждала тебя, – говорила она таким, – думала, что ты придешь». И беседовала много и охотно, к большому утешению посетителя.

Других она даже прогоняла от себя, что, впрочем, случалось чрезвычайно редко. «Уходи, уходи, – в этих случаях говорила она. – Я не Бог, не пророк, уходи и уходи, и зачем ты шел, зачем ноги топтал?» Иногда она, не отвечая на заданный вопрос, говорила: «Мы, грешные, и будем все знать? Я не могу все знать. Вы сами ученые, сами знаете». Это бывало, когда человек заходил к ней или из праздного любопытства, или когда она хотела, чтобы человек сам серьезно задумался, что ему в действительности нужно. Последние через какое-то время возвращались к ней, но уже с другим настроением, и тогда она принимала их с радостью. Некоторых она пускала как бы со скорбью, зная, что они хотя и спрашивают ее совета, но не

послушаются и себе на беду поступят по-своему.

Некая девица Анна собралась выходить замуж. Один кандидат ей очень понравился, но ее родителям не нравилась его семья, как ненадежная в нравственном отношении, другой ей не нравился, но родители хотели за него выдать, и семья его им понравилась. Анна пришла посоветоваться к блаженной, но та не велела ее впускать, сказав через дверь: «Вы треплетесь, треплетесь по улицам-то, не знаете, что и делать. И родителей не хотите слушать: вам говорят одно, а вы другое». И не благословила ее выходить замуж за понравившегося ей кандидата. Анна вопреки воле родителей и совету блаженной поступила по-своему; брак оказался несчастливый: в конце концов семья развалилась.

Своих посетителей блаженная учила, чтобы они не только на эту жизнь надеялись, но готовили себя к будущей жизни и ради нее жили здесь, не привязываясь ни к чему земному, учила их жить по-Божьи, исполнять заповеди Господни, молиться Богу и на Него надеяться, а на земле твердо и безропотно нести свой крест. В своих беседах с посетителями она часто приводила тексты из Священного Писания, особенно из Евангелия; ссылаясь на события из Священной истории, она полагала их в основу всех своих наставлений. Часто для пояснения той или иной мысли она приводила случаи из жизни святых. Она учила подражать жизни святых, говорила о необходимости обращаться к ним с молитвами.

«Как жить-то трудно», – скажет ей иной раз какая-нибудь посетительница, сетуя на обстоятельства своей нелегкой жизни. «Да ведь святые отцы, – скажет ей в ответ на это Матрона, – в каких трудах-то находились и пост держали как следует, и трудились, и гонения терпели, и за все Господа благодарили да радовались. Да, трудно. Но Бог-то ведь помогает. Помоги, Господи, крест понести!»

Жалуется иной раз женщина, что хлеба нет, семья голодает. «Молись, – говорит ей в ответ на это Матрона, – святым Петру и Онуфрию. Святой Онуфрий тридцать лет хлеба не ел».

Особенно часто в духовных беседах вспоминала блаженная Матрона преподобного Алексия, человека Божия. Монахиня Касимовского Казанского монастыря Надежда жила в своей келье одна, но вот задумалась – не взять ли к себе какую-нибудь из сестер, и обратилась за разрешением своих сомнений к блаженной Матроне. Та ей ответила: «Жил же Алексей, человек Божий, один». И тем разрешила ее сомнения.

Одна женщина из Касимова в течение года переменяла четыре квартиры и начала было подыскивать пятую. Придя к Матроне, она пожаловалась ей:

– И когда я покой найду! Домик, что ли, купить мне?

– Ну, один старец восемнадцать пустыней обошел и нигде не нашел себе покоя, – ответила ей на это Матрона.

Важным для спасения человека деланием Матрона считала молитву, которая, по ее словам, все может устроить. Сама она молилась по четкам, которые она всегда держала в руке непрямо для посетителей.

Молиться блаженная советовала каждому сообразно с его обстоятельствами. Одним советовала молиться в 9, 10 и в 11 часов ночи, другим, занятым на работе или многосемейным, говорила, что можно молиться везде и всегда, можно молиться и при людях, молясь умом, можно молиться и лежа в постели, что и такая молитва доходит до Бога. Но особенно высоко ценила Матрона молитву церковную и настаивала на том, чтобы каждый обязательно и при всяком удобном случае ходил в храм. «В церкви молитва в три поклона, –

говорила она, – больше, чем дома в триста. Всякий, кто ленится ходить в церковь и молиться, ссылается на недосуг и разные дела, такой человек <...> хватится потом, да будет поздно. Ведь неизвестно, когда Страшный Суд, а нас, нерадивых рабов, не добудишься, страшная труба только разбудит».

Одна женщина жаловалась Матреше, что она редко может ходить в церковь. «У меня полна изба ребят, – говорила она, – ребята учатся, я должна на них стряпать и выполнять все домашние работы, рада бы пойти, да нельзя дом-то бросить». Матреша дала этой женщине икону Божией Матери, известную под названием Запечной^b, и при этом ничего не сказала; этим она дала женщине понять, что Царица Небесная слышит везде усердную молитву.

Приходящим она советовала, если у кого кто болеет, взять у нее святой воды и окропить больного или взять масло из неугасимой лампы, горящей в ее комнате перед иконами. Иногда она сама давала масло, принесенное кем-либо из святых мест, советуя помазать этим маслом больного.

Блаженная Матрона отличалась большой отзывчивостью. Она говорила с каждым, кто к ней приходил, давала совет, наставление, иногда то или иное конкретное указание. Мужчины и женщины, старые и молодые, люди разного социального положения и профессий шли к ней, и каждый с ее стороны встречал равное отношение, приветливость и любовь. В ее комнате можно было ежедневно слышать такого рода разговоры:

– Матреша, жениться хочу, невесту нашел.

– Вот, ко мне тоже учитель недавно приходил, говорит, что жениться хочет, а я ему и говорю: за богатством-то погонишься, толку-то не будет.

И уже слаженная свадьба расстраивалась.

– Матреша, что мне делать-то? Мужик-то мой пропал, сколько месяцев весточки нет, погиб, знать, совсем. Помолись, матушка!

– Придет, придет твой муж! Теперь без него плачешь, а время придет, все соберетесь, да есть будет нечего.

– Матреша, мать умирает! Муж умирает! Ай не поправится?

– Скажи ей, чтобы все раздала, кому что нужно, чтобы распорядилась всем, пока еще жива. Поминки-то плохие будут.

– Матушка, место в Москве выходит, хочу переехать.

– Да что место-то менять? На своем месте дерево-то крепче корнями сидит.

Многие вот уезжают, да много и опять возвращаются на свое место-то.

Матрона отвечала каждому обращающемуся к ней за советом, и факты сами за себя говорили, что она не ошиблась, давая совет или делая то или иное указание, как в данном случае следует поступить. Людям, не послушавшим ее совета, впоследствии приходилось в этом горько раскаиваться.

Что касалось бесед и наставлений, с которыми обращалась Матрона к своим посетителям, то и содержание, и характер ее бесед и наставлений были чрезвычайно разнообразными. Блаженная, как будто видя человека насквозь, в беседе обычно указывала его самое больное место, которое требовало усиленного врачевания, помогала ему осознать свою болезнь, о существовании которой иной человек и не подозревал, и с этого времени встать на путь исправления. При этом Матрона указывала только на один какой-нибудь

^b «Запечный», или «Хлебенный», список Тихвинской иконы Божией Матери почитался в Соловецком монастыре как чудотворный явленный образ. По монастырскому преданию, эта икона принадлежала святителю Филиппу, митрополиту Московскому, и была обретена им в бытность его на послушании в хлебе.

духовный недуг, предлагая человеку сосредоточиться именно на нем и не расплываться по многим направлениям, что зачастую только затрудняет борьбу со страстями. Видя, что человек страдает несколькими духовными недугами, она не называла их ему сразу все, но постепенно, через некоторый промежуток времени, чтобы человек не унывал и мог с успехом с ними бороться. Многие, испытав на себе пользу от ее наставлений, старались чаще прибегать к ее помощи, особенно в минуты сомнений и колебаний, когда нужно было опереться на что-то твердое и положительное, и в ясном совете блаженной они это твердое и положительное находили.

Касимовская жительница А.М. Бар-ва, желая получить от Матроны наставление религиозно-нравственного характера, прежде чем идти к ней, всесторонне обдумала, о чем будет спрашивать. Но когда пришла, то не успела задать ни одного вопроса, как Матрона вынула из-под подушки листок с записью и попросила одну из присутствующих женщин прочитать написанное. Это было повествование о том, как Мариам и Аарон упрекали своего брата Моисея за жену-эфиопянку, за что Мариам была наказана проказой, но по молитвам Моисея исцелена^с. Чтение этого повествования произвело сильное впечатление на пришедшую. Она поняла, что Матрона хотела ей указать на то, что она часто ссорится со своей снохой и, находясь с ней во вражде, часто упрекает за нее брата. Она уже ни о чем больше не стала спрашивать Матрону, все заготовленные ею вопросы показались ей праздными и незначительными по отношению к этому главному.

Блаженную довольно часто посещала монахиня А. из Касимовского Казанского монастыря. И однажды Матрона спросила ее:

– Сколько у тебя икон в келье?

– Очень много, хорошие иконы, очень у меня их много, – ответила монахиня.

– Да какие же они? – настаивала на более конкретном ответе блаженная.

– Я не могу тебе, Матрона, все их назвать, много их.

Матрона, услышав такой ответ, опечалилась, но больше уже ни о чем ее не спросила.

На обратной дороге монахиня обратилась к своей спутнице, присутствовавшей при разговоре, с вопросом:

– Скажи, не знаешь ли, к чему спрашивала меня Матрона об иконах и почему она так опечалилась?

– Как же Матроне не печалиться, – ответила та, – ты монахиня и не знаешь, какие у тебя иконы?! Имея столько икон, ты должна прославлять каждый день всех святых, изображенных на этих иконах, а ты даже не знаешь их!

Здесь только монахиня поняла, отчего так опечалилась Матрона и что она хотела этим сказать.

В другой раз той же монахине блаженная сказала:

– Живи, как старцы живут.

Та не поняла, что означают эти слова, и на пути домой размышляла, что они могли бы означать, и, наконец, спросила спутницу:

– Ведь я живу так же, как старцы. Собирать не хожу, ничего лишнего не имею и одежды лишней не имею. Есть у меня в запасе только хлеб, до новины хватит.

^с См. Числ. 12.

– А ты помогала кому хлебом-то? – спросила ее спутница.

– Нет, себе блюла, голода боялась, – ответила монахиня. И тогда ее осенило. – Я ведь согрешила, – вслух произнесла она. – Старцы-то другим отдают, а сами-то голодают. Да! Я никому не помогала. Это мой грех. Вот о чем говорила мне Матреша.

В другой раз во время посещения монахини А. блаженной принесли много гостинцев – яблок, конфет, пастилы, яиц. Все это она вынула из кулечков и разложила вокруг себя. Монахиня, глядя на это, подумала: «Почему это она разложила, ведь Ирина-племянница все это себе возьмет?» Отвечая на ее мысли, Матрона сказала:

– Посмотри, что здесь вокруг меня лежит. Если я Ирине не отдам, то у меня тут все сгниет, да и сама-то я сгнию со всем этим.

И монахиня сказала Матроне:

– Согрешила я, Матреша, пойду скажу Ирине, все это у тебя нужно убрать.

– Ну, то-то же, – ласково ответила на это блаженная.

Многие жители Анемнясева и окрестностей посещали Матрону не только когда попадали в трудные обстоятельства, но постоянно пользовались ее советами и не начинали ни одного дела без ее благословения.

Уроженец деревни Анемнясево Трофим Васильевич Тишкин рассказывал о блаженной Матроне: «Вся жизнь моя идет по благословию Матрешы. Без нее мы никуда. Что бы мы ни делали, что бы ни случилось с нами, все к ней и к ней. Дай Бог ей здоровья! И никогда она нам не отказывала. То совет даст, то предупредит, то в беде молитвой поможет. Кабы не она, то и в живых меня давно бы не было. Одно слово, святой, Божий человек она». И он рассказал о нескольких случаях ее благодатной помощи.

По специальности пильщик, он работал то на одном, то на другом лесопильном заводе, иногда уходя далеко от своей родной деревни на заработки. «Идешь <...> в незнакомый край, на незнакомый завод, – рассказывал он, – что там, как придется работать, как семья жить будет – много тревог переживаешь, обдумывая все это. Но сходишь к Матреше, скажет: „Иди, иди, с Богом иди“ – и сразу легко и спокойно станет, уже знаешь, что все обойдется благополучно. А скажет другой раз: „Да зачем туда идешь-то, что там хорошего-то?“ Лучше и не ходи. В прежние времена не слушался я иногда Матрешы, и всегда в таких случаях плохо выходило, всегда раскаиваться приходилось, что не послушал Божьего человека.

Пошел я как-то однажды на один завод, завод хороший и условия хорошие, верст за двести от нас. Работаю, все хорошо идет, доволен я. Подошло Прощеное воскресенье. Пришли ко мне несколько товарищей, сели мы за стол, выпили водки понемногу, я сразу как-то почувствовал, что со мной плохо, как в тиски меня взяло и дыхание захватило. Едва залез я на печку; утром хуже, отвезли в больницу. Оказалось, воспаление легких. Два месяца я лежал в больнице, пока врачи не сказали, что и лечить бесполезно, что все равно умру, не поправлюсь.

А лежал-то уж я совсем полумертвый, не двигался вовсе, рукой шевельнуть не мог, высох весь. Попросил жене письмо написать. Получила она такое письмо и метнулась прямо к Матреше. „Помоги, Матреша, помоги, помолись, погибает мужик-то“. – „Бог милостив, – сказала ей на это Матреша. – Даст Бог, поправится, а я помолюсь. Вот, возьми масла из лампадки, помажь его, да тут же и возьми из больницы на квартиру, где он жил. Не убивайся, Бог даст, все хорошо будет. Спеш!“.

Жена тут же приехала ко мне, помазала меня маслом и обратилась к врачам с просьбой, чтобы отпустили меня на квартиру. Врачи и слышать об этом не хотели. „Его трогать нельзя, – говорили они, – возьми его, он в нашей же прихожей умрет“. Но жена не отставала, она и меня заставила просить. В конце концов врачи согласились: надежды нет никакой, все равно умирать-то. Жена немедленно перевезла меня на квартиру. Мне скоро стало легче; через неделю я уже садился в постели, а через месяца полтора поправился совершенно и приступил к своей работе. Врачи дивились на меня. <...> С тех пор я здоров и за все это время никакими болезнями не болел. <...>

Построил я себе в деревне новую избу; построил, а на страховку денег не было. Уехал я на завод, на работу встал и из первой же полочки послал тестю денег с просьбой застраховать дом, а жене написал, чтобы подарок Матреше отнесла. У тестя оказались расходы, он деньги истратил, а дома не застраховал.

Жена тем временем пошла к Матреше и передала ей подарок, [сказав]:

– Вот, мужик-то мой подарок велел тебе передать.

Матреша взяла подарок и тут же спросила:

– А дом-то застраховали?

– Нет еще, – ответила жена, – денег нет.

– Завтра же застрахуй, застрахуй обязательно, не откладывай, – настойчиво говорила Матреша и в течение дальнейшей беседы она несколько раз повторила о необходимости немедленно застраховать избу.

Жена кое-как собрала денег и через день внесла страховку, а еще через два дня в нашем конце [деревни] случился пожар, сгорело двадцать два дома, в том числе и наш. Благодаря предупреждению Матрешы мы получили страховку.

[Как-то] поехал я за хлебом верст за двести, – рассказывал Трофим Васильевич, – дело было зимой. Купил я несколько мешков хлеба, нужно ехать домой, а тут ударил мороз, начались метели. Едва сторговал я извозчика, взялся везти, но скоро отказался – лошадь слабая, нельзя было ехать по тяжелой дороге. С большим трудом нашел я другого извозчика, два дня мы с ним бились, измучились совсем, <...> к вечеру совсем сбились с дороги. Отыскивая дорогу, едва не потеряли друг друга среди метели; ночевали в поле, думали, что совсем замерзнем, едва на другой день добрались до деревни. Извозчик мой отказался дальше ехать, и я уже кое-как добрался с третьим, опоздав домой на две недели.

Жена в это время страшно обо мне беспокоилась, побежала к Матреше, плачет, <...> говорит, что погиб-де мой мужик. Матреша ее успокоила: „Вернется, – сказала она, – и хлеба привезет. А дорогой-то и померзнет, и поголодает, но будет здоров“. Жена успокоилась, а через несколько дней приехал и я».

Много подобных фактов сообщил Трофим Васильевич, с большим благоговением упоминая имя Матроны, называя ее святой, благодатной, блаженной, Божиим человеком. Почти все жители Анемнясева и его окрестностей были о Матроне совершенно определенного мнения как о человеке святом, Божием, каждый мог рассказать много удивительных событий из собственной жизни или из жизни своих близких, в которых принимала участие блаженная Матрона.

По соседству с блаженной Матроной жили тогда супруги Василий и Прасковья Поташкины. Как-то Василий отправился с товарищами на базар лошадей покупать. Все товарищи купили и домой приехали, а он отправился на другой базар, и нет и нет его, так что Прасковья стала думать, что ее мужа убили, и направилась к Матроне. «Да ты что, – сказала та, – погоди денька три плакать».

Действительно, через три дня Василий вернулся домой. У их старшей замужней дочери Натальи дети умирали во младенчестве, что было для нее прискорбно, и она очень горевала и плакала и, придя к Матроне, сказала: «Ой, тетя Матрена, дети у меня не живут». Блаженная на это ответила: «Ну, чего о маленьких-то плакать?! Плачь о больших». Впоследствии умерли ее старшие дети, двенадцати и восемнадцати лет.

Жительница Касимова Мария Ивановна Путилина знала блаженную с 1911 года и очень почитала ее. Она пользовалась руководством блаженной более двадцати лет и всегда два-три раза в месяц посещала ее.

«Однажды пошла я к Матреше, – рассказывала она. – Дело было зимой, холод, стоял мороз сильный, а дорогой поднялась вьюга, метель. Я промерзла вся, устала, измучилась, еле ноги переставляю, а сама боюсь, что не дойду, и все молитвы читаю. Помог Бог, кое-как добрела и говорю Матреше: „Матреша, я едва дошла к тебе“. – „Ну, и слава Богу; ты как Иван Кущник!“ – „Я его житие-то не знаю“. И Матреша рассказала мне все житие этого святого^d.

В 1919 году у меня овдовел брат, – рассказывала Мария Ивановна. – Осталось у него большое хозяйство, и он попросил меня пожить у него и помочь управляться с хозяйством. Не имея собственных детей, я с согласия мужа отправилась к брату и прожила у него два года. Трудно мне было жить у брата, и никак не могла я привыкнуть и смириться со своим положением. И однажды в трудную минуту решила уйти от него, но сначала отправиться к Матреше, испросить на это ее благословения.

Та с первых же слов начала ругать меня; так ругала, так ругала, часа два ругала, я все это время плакала и так сильно, что смочила слезами весь свой головной платок, а она все ругает – не велит уходить от брата.

Вернулась я к брату, и с этого времени жизнь моя стала полегче. Через некоторое время я снова приехала к Матреше. Она спросила:

– Кто пришел?

А на меня страх напал, робею и все не могу сказать, кто я такая, и все говорю:

– Я, я, уж я... – и больше ничего не могу выговорить.

– А, это которую я ругала-то? – сказала Матреша.

– Да, Матреша, это я.

– Ну, теперь я тебя ругать никогда не буду. Ты, дорогая моя, Мария Ивановна, ходи ко мне и не бойся. Я дам тебе такую благодать, которой никогда никому не давала, – и с этими словами дала мне камешек, принесенный ей из святых мест.

Прихожу однажды к Матреше, – рассказывала Мария Ивановна, – смотрю, она лежит в новой кровати, и мне стало жалко старой кровати, ведь целых пятьдесят лет на ней лежала Матреша. Я и спрашиваю:

– Где же старая кровать?

^d Блаженная Матрона, зная житие преподобного Иоанна Кущника (первая половина V в., память 15/28 января), имела в виду подвиг святого, жившего без крова, переноса «зиму и зной, и мороз и дождь», как повествуется об этом в житии, написанном святителем Димитрием Ростовским. Святой подвизался у ворот родительского дома в Константинополе, подобно нищему Лазарю, с той лишь разницей, что ему выносились остатки еды, которые он отдавал другим нищим. «Отец его, видя лежащего у ворот бедного нищего, начал посылать ему кушанья со своего стола, говоря: „Велико терпение у этого нищего, — оставаясь без крова, он переносит и зиму, и зной, и мороз, и дождь; поистине таковые именно наследуют Царство Небесное“». Затем, когда по приказанию матери святого Иоанна прогнали от ворот, он стал жить поблизости в шалаше (куще), отчего и получил свое прозвание – Кущник.

– В сарай вынесли, – отвечает Матреша, – на что тебе старую мою кроватьку?

– Мне хочется взять от нее дощечку себе на память.

Матреша засмеялась и говорит:

– Или клопиков моих захотелось тебе?

Ирина, жена ее племянника, услышав о моем желании взять доску, сказала:

– Я сейчас из сарая вам хорошую доску принесу.

– Мне надо доску с кровати, – сказала я.

– Ну, ступай, сама выбери и возьми себе, – сказала Матреша.

Я ходила в сарай и взяла себе доску. В это время я была у Матрешы не одна, а с одной своей знакомой, женщиной из деревни Поповки Пелагией Ивановной. Поля, как мы звали ее, попросила у Матрешы и себе доску, но Матреша сказала:

– Нет, больше никому не дам.

Тогда Поля попросила у меня дать ей половину дощечки. Я, обращаясь к Матреше, говорю ей:

– Матреша, я ей не дам?

Она ничего не ответила, но по всему было видно, что осталась недовольна таким ответом.

– Я ей немножко дам.

Но и на это не последовало никакого ответа.

– Тогда я ей половину дам.

– Ну, вот так, Мария Ивановна, так, и я всегда так делаю – дай уж ей половину.

Когда мы с Полей вернулись домой, то распилили дощечку пополам и опилки поделили пополам.

На следующий день ко мне пришла касимовская жительница Елизавета Павловна и пожаловалась:

– Мария Ивановна, у меня так болят бока, что ничего делать не могу, доктора не помогают, а работать необходимо, жить надо; у тебя есть Матрешины вещи, помоги мне.

Я приложила к ее бокам принесенную от Матрешиней кровати дощечку, она помолилась и почувствовала облегчение, а на другой день стала работать как прежде.

Была я однажды у Матрешы, – рассказывала Мария Ивановна, – в то же самое время, когда у нее было несколько монахинь, с которыми она очень ласково разговаривала. Одна из монахинь сказала, что хорошо было бы им всем вместе сфотографироваться. Матреша поддержала это пожелание. Когда ушли монахини, я и попросила у Матрешы разрешения снять ее на фото. Матреша согласилась и сказала:

– Ведь это не грешно, преподобные все сняты на память, и мне можно.

Вернулась я от Матрешы домой, а мне говорят, что меня ищет какой-то фотограф. Вскоре действительно явился человек, который назвал себя Василием Фотьяновым. Сказал, что он фотограф, что только что приехал из Рязани, и обратился ко мне с просьбой посодействовать ему и поехать вместе с ним в Анемнясево, чтобы снять Матрешу.

Это совершенно неожиданное появление фотографа поразило меня, и мы на другой же день, 24 июля 1930 года, поехали вместе с ним в Анемнясево. Ехали мы, несмотря на весь предыдущий разговор с Матрешей, со страхом, думали, что не примет нас Матреша, но она приняла нас очень ласково и тут же согласилась

сняться. Снимать было в маленькой комнатке при недостатке света очень неудобно. Фотограф сомневался, получится ли снимок, но и здесь как будто были чудеса. Когда он ее снимал, я смотрела на ящик аппарата, и на нем были видимы мне лики святых. Когда Матреша была снята, я сказала ей:

– Матреша, да ведь он ли тебя снимал, ведь на ящике-то было очень много ликов святых? Я видела!

– Ну, вот и хорошо, – ответила мне на это Матреша.

Несмотря на наши опасения, снимок получился хороший.

Фотограф здесь же сделал девять фотокарточек и передал их Матреше, а потом уже в Рязани сделал еще довольно много таких же и прислал их мне.

Когда я эти фотокарточки принесла Матреше, она отдала их мне и при этом сказала: „Там, кому знаешь, хорошим людям давай их“».

В последний период своей жизни блаженная благословила близкого ей человека, Марию Ивановну, чтобы та сама в иных случаях помазывала маслом из ее кельи больных, нуждающихся в исцелении. В 1930 году пришла к Марии Ивановне касимовская жительница по фамилии Берляева и рассказала, что дочь ее четырнадцати лет невыносимо мучается от боли в ноге, распухло колено, врачи нашли туберкулез кости и предлагают сделать операцию. Девочка сама уже не может ходить и просит, чтобы к ней пришли и принесли что-нибудь от блаженной Матроны, чтобы облегчить страдания, так как у нее особенная вера в благодатную силу ее молитв.

*Матрона Белякова. 24 июля 1930 года.
Фотограф В.В. Фотьянов*

Когда Мария Ивановна пришла к больной, та лежала в постели и плакала: «Что вы так долго не шли?» Мария Ивановна дала ей выпить святой воды и

помазала больную ногу маслом, данным блаженной Матроной. Ногу перевязали, и девочка впервые почувствовала некоторое облегчение. Скоро она заснула, и наутро ей стало значительно легче. Через неделю она смогла ступить больной ногой на пол, а через три недели уже свободно ходила, не чувствуя никакой боли, и нога ее совершенно поправилась.

В мае 1931 года к Марии Ивановне пришла женщина из соседней деревни с тринадцатилетним мальчиком. У него на спине между лопатками образовалась небольшая опухоль, которая, постепенно увеличиваясь в размере, делалась все тверже. Более двух лет по настоянию матери его усердно лечили доктора, но опухоль не только не уменьшилась, но еще более увеличилась. В конце концов мальчик лишился возможности что-либо делать и уже не мог спокойно лежать, сильно страдая от боли.

Женщина попросила Марию Ивановну помазать опухоль маслом из лампы, висевшей в комнате блаженной. Все стали усердно молиться Богу, чтобы Он послал исцеление, и Мария Ивановна помазала больное место маслом и посоветовала им сходить в церковь, а также помолиться блаженной Матроне.

Мальчик этот через три месяца пришел сам к Марии Ивановне радостный: ему стало легче. «Могу дышать, – сказал он, – и кое-что делаю по хозяйству, опухоль стала меньше». Мария Ивановна в ответ сказала ему, что это блаженная Матрона пожалела его, и посоветовала еще раз ей помолиться и помазала опухоль маслом.

Через полгода он пришел к Марии Ивановне и сообщил, что у него все прошло, он уже пашет и не чувствует никаких признаков болезни. Мария Ивановна сказала, чтобы он молитвенно поблагодарил блаженную Матрону, а когда будет постарше, сходил бы к ней сам, чтобы поблагодарить ее лично.

Однажды прибежала к Марии Ивановне встревоженная и испуганная соседка. У ее дочки неожиданно случился приступ – лежит как мертвая и не дышит. «Что мне делать?! Иди скорее, помоги!» – просила она. Мария Ивановна незадолго до этого принесла от блаженной ветхий воздух, который той отдал священник. Мария Ивановна пришла к соседке и с молитвой к блаженной о помощи положила воздух на голову девочке. Девочка заплакала, открыла глаза и пришла в себя, приступ прошел.

У Марии Ивановны были четки, по которым долгое время молилась блаженная Матрона. У касимовской жительницы Варвары Михайловны П. случилось ущемление грыжи, и в больнице ей была сделана операция. После операции она настолько ослабела, что врачи уже ждали ее смерти, так как у нее оказалось больное сердце. Она послала за Марией Ивановной, чтобы та принесла ей какую-нибудь вещь от блаженной. Мария Ивановна принесла четки и положила больной на грудь, отчего та почувствовала значительное облегчение, и через некоторое время здоровье ее пошло на поправку.

Весной 1933 года в Касимове случилась эпидемия гриппа, и многие даже умерли от этой болезни. Тяжело заболела гриппом Елизавета Крашенникова, которой было тогда шестьдесят лет, и была она уже при смерти, когда Мария Ивановна пришла к ней и дала ей старый орарь, который за ветхостью передали из храма блаженной Матроне. «Вот тебе лекарство, – сказала она Елизавете, – я и сама им лечилась». Елизавета, перекрестившись, опоясала себя орарем и попросила вслух блаженную Матрону помолиться о своем исцелении. Через три дня она выздоровела и горячо благодарила Бога за посланное ей по молитвам блаженной исцеление.

Однажды Мария Ивановна получила письмо из Москвы. Писала совершенно незнакомая ей девушка и просила, чтобы Мария Ивановна сходила к блаженной Матроне и попросила ее помолиться и помочь в беде. Беда эта заключалась в том, что родители ее, люди весьма образованные, предались страсти пьянства, стали без разбора все продавать, чтобы только купить водки, и в самом недалеком будущем семье грозила полная нищета. Девушка пришла в отчаяние, не знала, что и делать, пока одна ее знакомая не посоветовала обратиться через Марию Ивановну к блаженной Матроне. Мария Ивановна передала просьбу девушки Матроне; та внимательно выслушала ее и ответила, что по милости Божией все будет хорошо, Бог их помилует.

Через некоторое время Мария Ивановна получила от девушки второе письмо, в котором та с радостью сообщала, что с той поры, когда она попросила блаженную Матрону молиться, родители ее совершенно перестали пить, и в семье снова воцарился мир.

Марии Ивановне не раз приходилось передавать подобного рода просьбы блаженной Матроне, та со вниманием выслушивала и молилась, чтобы Господь оказал нуждающимся милость.

До середины 1920-х годов блаженная жила со своей сестрой Дарьей Григорьевной в домике, построенном почитателями. Жить у нее, как уже упоминалось, было нелегко, но Матрона долго все это терпела, пока, наконец, решила перейти жить к племяннику Матвею Сергеевичу. Сестра, узнав об этом, рассердилась, подала на нее в суд и отобрала у нее дом. В 1933 году на четвертой неделе Великого поста сестра скончалась, и Матрона стала усердно молиться о ее упокоении. Марии Ивановне Путилиной, посетившей ее в это время, она сказала: «Все умерли, а я вот больная такая, а все живу – на все воля Божия!» И она стала говорить, насколько важна молитва об усопших, как много значит она перед Богом. Сама она молилась за усопшую сестру непрестанно, молилась весь день и всю ночь по четкам, и в этот период ничего не ела. И лишь на пятой неделе поста, сильно ослабев, она подкрепила себя пищей. Мария Ивановна в это время приходила к ней читать Псалтирь о упокоении души Дарьи Григорьевны. По окончании чтения блаженная Матрона пела вместе с Марией Ивановной зауспокойные церковные песнопения.

Племянник блаженной Матвей Сергеевич был человеком добрым и набожным и с детства любил праведницу. С уважением и любовью относилась к блаженной Матроне и жена племянника Ирина Федоровна, которая усердно ухаживала за ней, стараясь, насколько возможно, облегчить ее страдания. Но здесь Матроне пришлось переживать уже по другой причине: дети крестьян из неверующих семей по обычаю мирских детских шалостей стали зло смеяться над детьми племянника. «Вон, – дразнили они их, – к Матреше пошли, лепешек принесли». Блаженная тяжело переживала, что над детьми племянника смеются за благорасположение к ней. После смерти Матвея Сергеевича за ней продолжала ухаживать его супруга-вдова Ирина Федоровна, жившая вместе с сыном Алексеем, почитавшим и любившим праведницу.

После начала в стране коллективизации и уничтожения крестьянских хозяйств усилились гонения и на Церковь. Весной 1930 года во время Великого поста касимовская газета «Коллективист» опубликовала заметку о блаженной Матроне под заголовком: «Избавьте от Матренушки», в которой корреспондент, выступавший под псевдонимом «Недалекий», писал: «В деревне Анемнясево живет некто „Матренушка“, которая слывет за святую гадалку. К ней ходят

суеверные элементы послушать „божьего“ совета, на самом же деле она ведет антисоветскую агитацию. <...> Кто бы избавил нас от Матренушки?» – обращался корреспондент с вопрошанием к ОГПУ.

Деревня Анемнясево. Дом М.С. Белякова, в котором жила блаженная Матрона в последние годы перед арестом. 1933 год

В начале 1930-х годов власти стали препятствовать людям посещать блаженную, что было несложно делать, так как напротив ее дома жил некто Федин, считавший своим долгом прогонять всех идущих к блаженной. Завидев идущих к ней незнакомых людей, он сразу же бежал им навстречу и начинал кричать: «Куда идете! Зачем идете!» И некоторые вынуждены были уже идти не прямо к блаженной, а останавливаться в доме неподалеку, в семье Поташкиных, и оттуда уже, когда «страж» уходил, потихоньку к ней пробираться.

Некие супруги, возвращаясь из Касимова после приема у врача, решили по пути заехать к блаженной. Зашли они к ней в домик, кровать Матроны была закрыта пологом. Не открывая его, она сказала:

– Вы ко мне приехали? Вы от врача едете? Ты Натальина сноха?

– Да.

– Лечись, лечись. Вы скорей от меня уезжайте, а то меня преследуют.

Мария Ивановна рассказывала, что она знала Матрону на протяжении более двадцати лет и за это время та очень изменилась, особенно в последние годы жизни. Наиболее заметно это стало в Великий пост в 1933 году. Раньше блаженная Матрона со всеми держалась просто, всех жалела, вникала в горе каждого человека, болела болезнями всех, несчастье другого было и ее несчастьем. Она подолгу и охотно беседовала с каждым, обсуждала различные вопросы и дела житейские, каждому давала ответ на то, что он спрашивал, не скупилась на советы и наставления, как поступать в том или ином случае, в тех или иных житейских обстоятельствах. С 1933 года она как будто совсем перестала интересоваться мирской жизнью, о житейских делах говорила редко и неохотно и

только в исключительных случаях. Но о жизни духовной, жизни религиозно-нравственной, тем более о будущей жизни она готова была говорить бесконечно.

Когда Мария Ивановна навестила блаженную Великим постом в 1933 году, та чувствовала себя сильно ослабевшей. В течение поста она два раза соборовалась и однажды даже попросила Марию Ивановну прочитать ей канон на исход души, как бы предполагая, что может наступить время, когда некому будет его прочитать. Во время чтения она усердно молилась, а по окончании дала Марии Ивановне пучок свечей и сказала: «Чем могу, тем и плачу тебе, свечки хорошие, благодатные, ты будешь ими утешена». Особенное внимание во время чтения канона блаженная обратила на слова: «Ныне избавляй никак и помогаяй воистинну никтоже: Ты помози ми, Владычице <...>», «<...> ибо друзи мои и знаемии вкупе оставиша мя ныне: но, Надежде моя, никакоже да не оставиши мя». В большом раздумье, с грустью и в то же время с глубокой верой повторяла она эти слова, а потом также в раздумье и с грустью стала говорить о том, что она теперь не так уже жалеет людей, как жалела раньше, что вся эта земная жизнь отдаляется от нее, уходит. «И уже никого, никого мне теперь не жалко, никого не жалко, – сказала блаженная, – только отца Александра^е немножечко, немножечко жалко...»

Некая женщина попросила Марию Ивановну взять ее с собой, когда она в очередной раз пойдет к блаженной Матроне. Та, узнав, что Мария Ивановна пришла не одна, была этим недовольна и сделала ей выговор.

– Матреша, да ведь жалко их, им хочется побеседовать с тобой, спросить тебя о жизни, получить наставление, – возразила Мария Ивановна.

– Я раньше сама всех так же жалела, – ответила блаженная, – погоди, погоди, и ты не будешь так же жалеть.

В последние годы жизни она все больше отрешалась от внешнего мира и уходила в себя, готовясь к переходу в иную жизнь; все ее мысли и чувства все больше сосредотачивались на этом.

В июне 1933 года блаженную Матрону посетили касимовские священники. Она жила в то время в небольшом деревянном домике, принадлежавшем ее покойному племяннику Матвею Сергеевичу. Пришедших встретила хозяйка, Ирина Федоровна, и провела к блаженной. Они оказались в маленькой чистенькой комнатке с одним окошком. В переднем углу горела лампада и было много икон. Блаженная Матрона лежала в маленькой кровати, завешанной пологом. Открыв полог, она поздоровалась с пришедшими. Она лежала без тюфяка, на покрытых простыней досках. Блаженная говорила быстро и оживленно, в подтверждение сказанного она на память приводила тексты из Священного Писания, факты из жизни святых, наизусть прочитала молитву, присланную ей с Афона. Она говорила о тяжести современной жизни, о страданиях, о необходимости терпеть все, что ни посылает Бог.

«Самим ничего не делать, а всегда прибегать к Господу, Он все видит и знает, – сказала она. – Сам Господь терпел, и нам нужно терпеть, сколько кому Господь пошлет. Трудна жизнь, трудна, помоги, Господи, крест понести. От креста-то своего никуда не убежишь; как ни трудно, а надо его нести. Мученики святые страдали, томились в темницах, всякие мучения претерпевали; они молились Господу, и Господь терпение посылал; пошли и нам, Господи, терпение, помоги крест понести...»

^е Духовник блаженной, священник соседнего села Шеянки Александр Васильевич Орлов.

*Матрона Белякова. 8 июля 1933 года.
Фотограф С.Ф. Шибарев*

Пришедшие стали подробно расспрашивать блаженную о ее жизни, но она на все отвечала лишь общими фразами, показывая явное нерасположение говорить о себе. «Какая моя жизнь-то, – сказала она, – вот лежу с детства и ничего не вижу; не видела я в жизни ни покоя, ни отрады, а все вот жива, все дальше да хуже, а теперь время-то вот какое стало. Я ведь только лишь языком говорю, а сама-то какая я, тронь меня – и умру. И так-то уж я плохая стала; жжет и жжет меня, в голове жар постоянно бывает, слабость большая; а кто придет, переневолишься и вовсе; а теперь еще недослышивать стала. А что говорить-то, на все воля Божия; все-то не объяснишь; Господь все видит, все знает, Его воля святая».

Летом 1934 года блаженную Матрону посетил приехавший из Москвы врач Сергей; судя по всему, это был Сергей Алексеевич Никитин^f, так рассказавший впоследствии о блаженной Матроне^g.

«В 1930-х годах меня заключили в концлагерь, – рассказал он. – Я тогда был врачом, и мне поручили в лагере заведование медпунктом. Большинство заключенных находилось в таком тяжелом состоянии, что мое сердце не выдерживало и я многих освобождал от работы, чтобы хоть как-нибудь помочь им, а наиболее слабых отправлял в больницу. И вот как-то во время приема работавшая со мною медсестра сказала мне: „Доктор, я слышала, что на вас сделан донос, обвиняют вас в излишней мягкости по отношению к лагерникам, и вам грозит продление вашего срока в лагере...“

Осужден я был на три года, которые уже подходили к концу, и считал месяцы и недели, отделявшие меня от долгожданной свободы, и вдруг!.. Я не спал всю ночь и, когда вышел утром на работу, медсестра сокрушенно покачала головой, увидев мое осунувшееся лицо. После приема больных она мне нерешительно сказала:

Хочу вам, доктор, один совет дать, но боюсь, что вы меня на смех

^f Впоследствии был пострижен в монашество с именем Стефан и хиротонисан во епископа.

^g Поскольку рассказ записан человеком, знавшим епископа Стефана, но не знавшим саму блаженную, то в повествование попали некоторые неточности, которые мы опускаем.

поднимете... В том месте, откуда я родом, живет одна женщина, зовут ее Матронушка. Господь дал ей особую силу молитвы, и если она за кого начнет молиться, то обязательно вымолит. К ней много людей обращается, и она никому не отказывает, вот и вы ее попросите.

– Пока мое письмо будет идти к ней, меня успеют осудить...

– Да ей и писать не надо, вы покличьте...

– Покликать?! Отсюда?! Она живет за сотни километров от нас!

– Я так и знала, что вы меня на смех поднимете, но только она отовсюду слышит, и вас услышит. Вы так сделайте: когда пойдете вечером на прогулку, отстаньте немного от всех и три раза громко крикните: „Матронушка, помоги мне, я в беде!“ Она услышит и вас вызовет.

Мне все это показалось очень странным, но все-таки, выйдя на вечернюю прогулку, я сделал так, как меня научила моя помощница.

Прошел день, неделя, месяц. Меня никто не вызывал. Между тем среди администрации лагеря произошли перемены: одного сняли, другого назначили. Прошло еще полгода, и наступил день моего освобождения. Получая в комендатуре документы, я попросил выписать мне направление в город, близкий к тому месту, где жила Матронушка, так как еще перед тем, как ее покликать, дал обещание, что, если она поможет, буду поминать ее ежедневно на молитве, а по выходе из лагеря первым делом поеду и поблагодарю ее.

С волнением подошел я к ее дому и хотел было постучать в дверь, но она была не заперта и легко открылась.

– Можно войти? – громко спросил я.

– Входи, Сереженька, – раздался голос.

Я вздрогнул от неожиданности и нерешительно пошел на голос. Заглянув, я увидел маленькую слепую женщину, неподвижно лежавшую на спине. Лицо у нее было удивительно светлое и ласковое. Поздоровавшись, я спросил:

– Откуда вы знаете мое имя?

– Да как же мне не знать, – зазвучал ее слабый, но чистый голос. – Ты же меня кликал, и я за тебя Богу молилась, потому и знаю. Садись, гостем будешь!

Я долго сидел у Матронушки. Она мне рассказала, что заболела в детстве тяжелой болезнью, после которой перестала расти и двигаться. Потом мы заговорили с Матронушкой о цели жизни, о вере, о Боге. Слушая, я поражался мудрости ее суждений, знанию святых отцов, ее глубокому проникновению и понял, что передо мной лежит не просто больная женщина, а большой перед Богом человек. О себе Матронушка сказала, что ее скоро увезут в Москву, и попросила:

– Когда настанет время, что ты будешь стоять перед престолом Божиим, поминай меня.

Мне не хотелось уходить от Матронушки, и я дал себе слово навестить ее как можно скорее, но не пришлось. Вскоре ее увезли в Москву».

23 июня 1935 года был выписан ордер на арест семи человек – четырех священников, включая духовника блаженной Матроны, ее самой и двух женщин. Заместитель прокурора области распорядился допросить Матрону у нее дома.

28 июня на квартире священника, составителя жития блаженной Матроны, был произведен обыск и была обнаружена рукопись с ее житием. На допросе он показал: «О существовании блаженной Матрешы Анемнясевской я слышал еще в дореволюционное время, но лично познакомился с ней при моем посещении ее квартиры в 1930 году. Когда я увидел, что она человек необыкновенный, сразу

стал ее почитателем, и путем беседы с ней и с ее многочисленными почитателями я собрал о ее жизни и деятельности подробные сведения, на основании которых и составил ее жизнеописание. После этого я у блаженной Матрешы был три раза <...>.

Почитателями блаженной Матрешы являются почти все верующие города Касимова и его окрестностей и даже отдаленных областей и краев Советского Союза, которые ежедневно массами посещают ее квартиру за получением утешения в тяжелой жизни, и все верующие находят поддержку и утешение, а также обращаются с разными жизненными вопросами, на которые она дает соответствующие ответы, так что верующие окрестных селений ничего не начинают делать без ее совета и благословения».

В тот же день была допрошена Мария Ивановна Путилина, которая сказала, что она действительно ходила к блаженной Матроне, «чтобы послушать ее мудрых советов, вместе с ней помолиться, почитать ей религиозные книги».

На следующий день в доме, где жила Матрона, был произведен обыск. Кроме хозяйки в доме находилась дальняя родственница блаженной, Дарья Шубина. Пришедшими были оперуполномоченный секретного отделения отдела НКВД и два начальника районных отделов НКВД – Касимовского и Бельковского, а также живший по соседству с Матроной Федин, который был приглашен на допрос в качестве понятого.

Первой была допрошена Дарья Шубина, она показала: «Блаженная Матреша Беякова среди крестьян пользуется широким авторитетом блаженной, прозорливой и даже святой, поэтому к ней ежедневно приходило много посетителей, которые обращались к ней с разными вопросами, просили ее советов и благословения. <...> в моем присутствии неизвестные для меня женщины обращались к блаженной Матреше с вопросом, вступать ли им в колхоз, на что она отвечала, что в колхоз вступать грешно, так как колхозники не имеют права ходить в церковь, и поэтому сами тоже будут безбожниками. Был и такой случай, что одна женщина жаловалась Матреше, что в колхозе трудно и голодно, на что блаженная Матреша сказала: если в колхозе трудно, то выходите, вас никто держать не будет, выйдете из колхоза и будете сами себе хозяева. Некоторым женщинам, жалующимся на тяжелую жизнь, Матреша говорила: сами виноваты, что прогневали Бога, и вот теперь мучаетесь, опомнитесь, покайтесь, ходите в церковь и будете хорошо жить, как раньше».

После допроса Дарья была освобождена. Затем следователи допросили блаженную Матрону.

– С какого времени вас навещают верующие и за кого они вас почитают? – спросил ее следователь.

– Лет пятьдесят тому назад, когда мне исполнилось двадцать лет... ко мне на квартиру стали приходиться верующие люди посмотреть меня. С течением времени количество посетителей... заметно увеличилось, и уже организовалось систематическое паломничество моих почитателей ко мне на квартиру, среди которых я стала пользоваться авторитетом блаженной и прозорливицы, и ко мне ежедневно приходили... как из окрестных селений, так и из города Касимова, других районов Московской области... и других областей... Благодаря приносимым... подаяниям я на эти средства и существую и даже иногда имею возможность оказать помощь бедным людям. В числе ежедневных посетителей меня навещали монахи, монахини и нищие... которые иногда останавливались у нас переночевать.

моих почитателей, но я их не приглашала и против советской власти ничего не говорила.

Блаженная Матрона была слепой и не могла прочесть то, что записал следователь, а только услышать, что он ей зачитает, не могла она и расписаться, и потому подтвердил то, что запись сделана с ее слов, ее сосед Федин.

По окончании допроса блаженной было предъявлено обвинение в том, что она, «выдавая себя верующим за блаженную и прозорливую, организовала у себя на квартире в деревне Анемнясево массовый прием верующих – своих почитателей, которых обрабатывала в антисоветском духе». Затем ей было зачитано обязательство, что она до окончания следствия и суда не будет никуда отлучаться без разрешения органов НКВД и будет проживать в деревне Анемнясево, чтобы явиться по вызову судебных и следственных властей туда, куда они укажут, а за неисполнение будет отвечать по всей строгости закона.

В этот же день был допрошен и Федин; его показания явились основанием для арестов людей, давших приют блаженной Матроне. «Матреша Белякова – девушка, <...> лежит в кровати с 7–8 лет, – показал он. – Все ее считают блаженной, прозорливой <...>. К ней очень много и ежедневно приходят паломники с разными просьбами <...>. По ночам устраивают богослужения и моления. Матреша насчет колхозов приходящим к ней паломникам говорит, что колхозы – это антихристовы гнезда. Женщины, побывав у нее, верят в нее <...> как в святую и после проводят антиколхозную агитацию. Я лично не раз видел и ловил людей, которые к ней приходили ночью, так как живу с ее домом по соседству.

Организаторами <...> паломничества и приемов людей занимаются Белякова Ирина Федоровна – племянница Матрешы <...> и ее сын Беляков Алексей Матвеевич. Я считаю, что ее дом <...> есть очаг распространения разного рода контрреволюционных слухов и агитаций. Все паломники всегда, как правило, приносят для Матрешы помногу подарков, в результате чего не только племянница, у которой она живет, сильно разбогатела, но и другие родственники. Я лично интересовался людьми, кто бывал у Матрешы, и все, кого бы я ни спрашивал, происходят из кулацкой семьи – или выслали мужа, или раскулачили. Все эти люди ходили к Матреше за советом. Паломничество к Матреше усилилось особенно за последние 2–3 года».

30 июня был допрошен сын Ирины Федоровны Алексей, который, отвечая на вопросы следователя, сказал, что «Матрену, действительно, верующие считают за блаженную и <...> святую, поэтому <...> с дореволюционного времени к ней приходило множество посетителей из разных мест. <...> Некоторые приходят посетить ее как больную, некоторые за советом по разным вопросам, а отдельные посетители просят исцелить их от болезней, [им] <...> она дает святую воду».

Вслед за ним была допрошена его мать Ирина Федоровна, которая, как и ее сын, показала, что к блаженной еще «с дореволюционного времени приходило много посетителей из разных окрестных и даже отдаленных селений и городов, которые обращались к ней за разными советами». Сразу же после допроса мать и сын были арестованы, как соучастники блаженной Матроны.

5 июля 1935 года в Анемнясево состоялось заседание актива правления колхоза; на повестку дня был поставлен единственный вопрос – о выселении блаженной Матроны из деревни, где она родилась и прожила безвыездно более семидесяти лет.

Председатель колхоза заявил, что «Матреша тормозит дело коллективизации». Члены актива, согласившись с этим странным заявлением, вынесли постановление: «Считать необходимой изоляцию Матрешы от окружающего населения и повести разъяснительную работу среди населения, в особенности среди женщин, для того, чтобы вокруг этого вопроса [не было] нехороших последствий».

На следующий день председатель Анемнясевского сельсовета и председатель колхоза направили начальнику районного отдела НКВД заявление, в котором просили «немедленно изъять гражданку Белякову Матрешу из пределов деревни Анемнясево как вредного элемента», в качестве аргумента выставляя то, что «данная гражданка <...> своей святостью влияет на темную массу отстающего населения не только деревни Анемнясево, но и на всю округу».

28 июля 1935 года дело было закончено. Блаженная Матрона обвинялась в том, что, «пользуясь среди верующих авторитетом „блаженной прозорливицы“, принимала громадное количество своих почитателей, среди которых проводила антисоветскую и антиколхозную агитацию».

Хозяйка дома, где жила блаженная, обвинялась в том, что, «являясь участницей контрреволюционной группировки, производила прием многочисленных почитателей „блаженной Матрешы“, среди которых последняя проводила систематическую антисоветскую и антиколхозную агитацию», а ее сын – в том, что «принимал участие в приеме многочисленных почитателей „блаженной Матрешы“...»

2 августа 1935 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило некоторых из арестованных по делу блаженной Матроны к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, включая и сына племянницы блаженной Алексея Белякова; его мать, Ирина Федоровна, была приговорена к пяти годам ссылки в Красноярский край, сама блаженная Матрона – к принудительному лечению.

Вскоре после приговора к дому, где жила блаженная, подъехала машина, чтобы увезти ее. Отовсюду к дому стал сходить народ, и перед ним собралась внушительная толпа.

– Идите отсюда! Идите! А то и вас всех на машину посадим и увезем вместе с ней! – пригрозил собравшимся председатель колхоза.

Народ, однако, не расходился. Председатель вошел в дом, прошел в комнату, где лежала блаженная, и, подняв ее с дощатой кровати, стал выносить. Остановившись в дверях, он с удивлением сказал:

– Какая же ты легонькая!

– Такие-то у тебя дети будут легонькие! – ответила на это Матрона.

Народ, стоявший вокруг, оцепенел от нелепости происходящего. Блаженную Матрону увезли, а вскоре люди заметили, что двое сыновей председателя перестали расти.

8 сентября 1935 года блаженная Матрона была привезена в дом инвалидов-хроников имени 1 Мая, находившийся в деревне Хотяжи Звенигородского района² Московской области. Это был небольшой дом инвалидов общего типа, рассчитанный на семьдесят пять человек, с персоналом служащих в девять человек – одна медсестра, две санитарки и шесть человек занимавшихся хозяйством.

Место нахождения блаженной Матроны стало вскоре известно. Зимой 1936 года уроженка деревни Полухтино, находящейся неподалеку от деревни

Анемнясево, Анна Харитоновна стала хлопотать, чтобы ей разрешили взять блаженную Матрону на поруки. Она обошла жителей деревни Анемнясево с текстом письменного ходатайства о ее освобождении. Многие тогда подписались под ним, подписались даже два комсомольца. Заявление с просьбой освободить Матрону Анна передала заведующему Московским отделом социального обеспечения Лазареву.

В самом начале марта 1936 года в дом инвалидов-хроников был назначен новый директор, Петр Кольцов. Передавая ему дела и совершая вместе с ним обход всех помещений дома, инспектор райсобеса Звенигородского района Наталья Гуськова особо обратила его внимание на блаженную Матрону, сказав, что та находится под надзором НКВД, к ней не разрешено никого пускать, а также не разрешается ей что-либо передавать, всех, кто к ней будет приходить, следует тут же направлять в НКВД. «Заведующий Московским отделом социального обеспечения предлагал отдать ее родственникам, но я при отсутствии распоряжения из НКВД отказалась это сделать», – добавила она.

4 марта 1936 года новый директор дома инвалидов Петр Кольцов и инспектор райсобеса Звенигородского района Наталья Гуськова пришли на прием к заведующему Московским отделом социального обеспечения Лазареву, который начал разговор с того, что предложил директору отдать Матрону Белякову родственникам. Гуськова на это категорически возразила, заявив, что этого делать нельзя, так как она предупреждена органами НКВД, чтобы к Беляковой никого не пускали.

«У нас дом в Хотяжах не закрытого типа, Белякову надо отдать, держать ее не наше дело, пусть НКВД объясняется со мной, а мои распоряжения надо безоговорочно выполнять», – категорично заявил Лазарев.

После посещения заведующего Наталья Гуськова заметила новому директору: что бы там ни говорило начальство, а не следует отдавать Белякову без разрешения НКВД.

28 марта заведующий Лазарев отдал распоряжение директору дома Кольцову: «Сдать гражданку Белякову под расписку гражданке Харитоновой».

Узнав о получении разрешения, Анна уговорила жившую в Москве Вассу Самылкину, уроженку той же, что и она, деревни Полухтино, временно поместить блаженную Матрону к себе в московской квартире, на что та с радостью согласилась.

30 марта Анна и Васса отправились в дом инвалидов-хроников, и Анна под расписку «приняла инвалидку Белякову». Знакомый Анны Василий Хомяков, работавший в доме хроников счетоводом, раздобыл лошадь с телегой и довез их до железнодорожной станции. В тот же день они уже были в Москве. Блаженную поселили в доме в Большом Казенном переулке, неподалеку от Курского вокзала. Анна предполагала после окончания весенней распутицы перевезти блаженную к себе в дом в деревню Полухтино.

Столкнувшись на следующий день с инспектором райсобеса Гуськовой, директор сообщил, что отдал Матрону Белякову родственникам. «По чьему распоряжению вы отдали и было ли разрешение НКВД?» – с раздражением спросила Гуськова. «Никакого распоряжения из НКВД не было, а было распоряжение от моего собственного начальника», – ответил Кольцов. «Вам за это придется ответить», – сказала она. «Я подчиняюсь своему начальнику, по его распоряжению и отдал», – повторил тот невозмутимо.

Гуськова сообщила о происшедшем в районный отдел НКВД, который

потребовал к себе директора дома инвалидов, но тот не явился, хотя его вызывали несколько раз. Он не считал себя подотчетным НКВД и ни на какие вызовы не реагировал. Тогда его вызвали в районный комитет ВКП(б), чтобы там встретиться с ним. Но на тот момент Кольцов был исключен из партии и, будучи беспартийным, послал вместо себя счетовода Василия Хомякова.

Районный отдел НКВД по заявлению Гуськовой приступил к формальному следствию. 8 апреля на допрос была вызвана Наталья Гуськова, 10 апреля – Петр Кольцов и Василий Хомяков.

Приехав в Полухтино, Анна сообщила верующим, в том числе и анемнясевским, где поселилась блаженная Матрона, и к той началось настоящее паломничество. Иные успели за короткое время приехать к блаженной по нескольку раз. Хозяйка квартиры также не скрывала, что у нее живет блаженная Матрона, и, привлеченные рассказами о ее подвигах и прозорливости, стали приходить и те, кто не знал ее раньше. Причащать блаженную возили на саночках в ближайший храм – Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе.

В середине апреля Дарья Шубина, жившая в деревне Корякино, посетила в Полухтине Анну Харитонову и попросила, чтобы та, когда будут перевозить блаженную Матрону, завезла ее к ней погостить, хотя бы на время. 5 мая Дарья получила телеграмму: «Выехали, встречай, выезжай в Туму». Дарья наняла крестьянина с лошадей, жителя деревни Корякино, и вечером Анна и Василий Харитоновы, Дарья Шубина и блаженная Матрона прибыли в Корякино. Дарья поместила блаженную в своем доме, а Харитоновы ушли к себе в деревню Полухтино.

В храме великомученицы Параскевы в Шеянках после ареста отца Александра Орлова служил иеромонах Валентин (Ракитин). К нему 7 мая около 4 часов утра пришла незнакомая женщина и попросила причастить остановившуюся в доме Дарьи Шубиной блаженную Матрону. Исповедав и причастив блаженную, иеромонах Валентин порекомендовал Дарье зарегистрировать ее как вновь прибывшую в сельсовете.

Деревня Корякино. Дом Дарьи Шубиной

Все это время сотрудники НКВД продолжали расследование обстоятельств

исчезновения блаженной и поиск ее местонахождения. На расписке при освобождении блаженной из дома инвалидов Анна Харитонова указала свой московский адрес, по которому ее и разыскали. 9 мая она была арестована и допрошена. Анна сообщила, что блаженная была перевезена ею к Вассе Самылкиной в Большой Казенный переулок, но где блаженная находится сейчас, она говорить не хочет. На следующий день сотрудник НКВД допросил ее сестру Александру Харитонову. Та показала, что ее сестра Анна увезла блаженную 5 мая в деревню Полухтино намереваясь поместить ее в доме брата, Василия Харитонova. Допрошенная в тот же день Васса Самылкина подтвердила, что блаженную увезли в деревню Полухтино Бельковского района, сообщив, что она сама провожала блаженную, помогая ее нести.

13 мая в 8 часов вечера в Бельковском районном отделении НКВД был допрошен Василий Харитонов, который на вопросы о местонахождении блаженной «категорически заявил, что отвечать на вопросы и вообще давать показания <...> не будет, и <...> ни на один вопрос по существу дела не ответил».

Деревня Корякино. Надворные постройки за домом Анастасии Дубасовой

Узнав об аресте Анны, Дарья Шубина, опасаясь, что и ее могут также арестовать, вечером 13 мая направилась к жительнице той же деревни Анастасии Дубасовой и попросила ее временно принять блаженную у себя, и этой же ночью перенесла блаженную к ней. Сотрудники НКВД тем временем продолжали искать блаженную. Был допрошен иеромонах Валентин (Ракитин), который сообщил, что причащал блаженную Матрону 7 мая в доме Дарьи Шубиной. Сотрудники НКВД направились к Шубиной и допросили ее, спрашивая, причащал ли в ее доме блаженную Матрону иеромонах Валентин и получала ли она телеграмму из Москвы о встрече Матроны, и, наконец, спросили: «Скажите, какой период времени в мае 1936 года проживала в вашем доме гражданка Белякова Матрена, и укажите адрес ее настоящего местонахождения?» – «Гражданка Белякова Матрена в мае 1936 года у меня в доме не жила, и где она находится в настоящее время, неизвестно», – ответила Дарья.

После допроса ей была устроена очная ставка с иеромонахом Валентином,

который рассказал, что причащал 7 мая блаженную Матрону в ее доме, после чего Дарья Шубина в подробностях рассказала, как к ней попала блаженная и к кому она ее затем перенесла.

В сумерках в окно дома, где жила Анастасия Дубасова, постучалась незнакомая женщина и предупредила хозяйку, что блаженную Матрону ищет милиция. Услышав это, блаженная попросила, чтобы ее вынесли на огород, что и было сделано Анастасией.

Около полуночи в дом Анастасии пришли с обыском – начальник 7-го отделения СПО УГБ, начальник Бельковского районного управления НКВД, прокурор по Бельковскому району и председатель сельсовета. Они нашли блаженную Матрону лежащей на земле на огороде. Был составлен акт, что 14 мая 1936 года в полночь на огороде около надворных построек, принадлежащих гражданке деревни Корякино Анастасии Дубасовой, была обнаружена гражданка Белякова Матрена Григорьевна, которая, будучи инвалидом, не имеющим возможности передвигаться, лежала на земле. По словам хозяйки, Белякова была вынесена ею на огороды из боязни, что та будет обнаружена и арестована.

На этот раз сотрудники НКВД поместили блаженную в находившийся неподалеку от Москвы дом инвалидов-хроников имени Радищева. Этот дом инвалидов был значительно хуже по условиям содержания в нем. Он был рассчитан на шестьсот пятьдесят восемь человек, а на практике больных было больше, половина – старше шестидесяти лет, иные очень преклонного возраста. Условия жизни в таких инвалидных домах в те годы были суровы. Вследствие недостатка мест – скученность, в некоторых палатах женщины помещались вместе с мужчинами, тяжелобольные – вместе с остальными, верхняя одежда висела над кроватями, а под кроватями стояли сундуки со скарбом. Столовая иногда являлась и кабинетом врача, и канцелярией, и местом хранения белья, и местом чистки картофеля. Питание инвалиды в те годы получали минимальное, однообразное, лишённое жиров, с недостатком хлеба. Белье было изношено до последней степени и в заплатках. Медицинский персонал недостаточно квалифицирован, а младший – абсолютно неграмотен. Бывали случаи заболеваний туберкулезом не только среди инвалидов, но и среди медицинского персонала. В некоторых палатах отсутствовали форточки и вместо дверных ручек были шнуры.

2 июля 1936 года Василий и Анна Харитоновы и Дарья Шубина были приговорены к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 4 августа 1936 года Васса Самылкина и ее дети Григорий и Зинаида, как «социально опасные элементы», были приговорены к высылке из Москвы с «лишением права проживания в режимных пунктах сроком на три года».

Блаженная Матрона скончалась 29 июля 1936 года в доме инвалидов-хроников имени Радищева и была погребена на Владыкинском кладбище под Москвой.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июль. Ч.1». Тверь. 2016. С. 286-332

Примечания

¹ Ныне село Шеенки Клепиковского района Рязанской области.

² Ныне деревня Хотяжи Одинцовского района Московской области.